

Л. Н. Толстой – читатель И. Канта*

В 1963 году в Москве вышла нашумевшая книга Я. Э. Голосовкера «Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом „Братья Карамазовы“ и трактатом Канта „Критика чистого разума“». В этой работе утверждалось надуманное «великое противостояние» русского писателя и немецкого философа. Но чтобы иметь хотя бы какое-то основание для разговора о «борьбе титанов», нужно быть, по меньшей мере, уверенным, что Ф. М. Достоевский был знаком с текстом кантовского трактата. В качестве единственного документального подтверждения Голосовкер указывал на письмо писателя к брату 1854 года. В нем Достоевский просит прислать ему «Коран. «Critique de la raison pure» Канта и [...] непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим моя будущность соединена!»¹. Однако и это единственное основание не выдерживает критики. Как писал еще в 1883 году В. Е. Якушкин, хотя посылка эта и действительно была отправлена, Достоевский книг не получил². Иных же свидетельств о возможном знакомстве Достоевского с сочинениями Канта не имеется. Более того, имеются противоположные свидетельства. Так, А. Ф. Фет, прочтя «Дневник писателя» за 1786 год, сокрушался, что тонкий ум и наблюдательность Достоевского страдают от отсутствия классического и философского образования³. Чтобы не попасть в подобное незавидное положение в случае с читателем Л. Н. Толстым, стоит с самого начала остановиться на данных о книгах И. Канта, с которыми русский писатель доподлинно был знаком.

В домашней библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне сегодня, как и раньше, стоят следующие издания И. Канта:

Kant's gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften.

Abt. 1, Bd. 1. Vorkritische Schriften. Berlin, 1902.

Abt. 1, Bd. 2. Vorkritische Schriften. Berlin, 1905.

Abt. 1, Bd. 3. Kritik der reinen Vernunft. Zweite Auflage 1787. Berlin, 1904.

¹ Автор выражает признательность сотрудникам государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого „Ясная Поляна“» за помощь при работе над данной статьей.

¹ *Достоевский, Ф. М.* Письмо к М. М. Достоевскому от 30 января – 22 февраля 1854. Омск. В: *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28. Л., 1985, с. 173; *Голосовкер, Я. Э.* Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963, с. 97. Содержательные же параллели в текстах Достоевского при большом желании можно отыскать с любым крупным философом. Весьма показателен и французский язык, который писатель употребляет для названия кантовского сочинения. Несмотря на все эти обстоятельства, Голосовкер усмотрел прямое использование у Достоевского кантовской терминологии.

² См.: [Якушкин, В. Е.] Федор Михайлович Достоевский в его письмах. В: Русская старина, 1883, № 9, с. 645; *Достоевский, Ф. М.* Письмо к Е. от 15 апреля 1856? г. В: Русская старина, 1883, № 9, с. 646; *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28, с. 184, 455, 460.

³ «Сколько тонкого ума и наблюдательности, и все пропало только потому, что автор [Достоевский – А. К.] не получил, очевидно, классического и философского образования. Что бы сказали о математике, не видывавшем в глаза вопросов и ответов Евклида, Пифагора, Ньютона и т.д.? Не в таком же ли невозможном виде является человек, рассуждающий о сути вещей, т.е. философствующий и не знающий о вопросах и ответах Платона, Канта, Шопенгауэра и т.д.?» *Шенин, А.* [Фет, А. А.] Письмо к Л. Н. Толстому от 16 марта 1877 г. В: Литературное наследство. Т. 37-38. М., 1939, с. 223.

Abt. 1, Bd. 4. Kritik der reinen Vernunft. Erste Auflage 1781. Prolegomena. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Berlin, 1903.

Abt. 1, Bd. 5. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilskraft. Berlin, 1908.

Abt. 1, Bd. 6. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. Die Metaphysik der Sitten. Berlin, 1908.

Abt. 1, Bd. 7. Der Streit der Fakultäten. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Berlin, 1907.

Abt. 2, Bd. 10. Briefwechsel. Bd. 1. 1747-1788. Berlin, 1900.

Abt. 2, Bd. 11. Briefwechsel. Bd. 2. 1789-1794. Berlin, 1900.

Abt. 2, Bd. 12. Briefwechsel. Bd. 3. 1795-1803. Berlin, 1905.

Kant, E. Critique de la raison pure. Trad. par C.-J. Tissot. T. 1-2. Paris, 1835-1836.

Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft. Hrsg. von J. H. Kirchmann. Tl. 1-2. Berlin, 1869.

Kant, I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. Hrsg. von K. Kehrbach. Leipzig, 1882.

Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. Пер. В. С. Соловьева. М., 1889 (содержит как приложение также: *Фишер, К.* Критика Кантовской философии)⁴.

Французский перевод «Критики чистого разума», немецкий оригинал «Критики практического разума» и «Религии в пределах одного только разума», а также русский перевод статьи К. Фишера о Канте прочитаны Толстым самым внимательным образом, о чем свидетельствуют многочисленные пометки писателя в этих книгах. В отличие от Достоевского, в случае с Толстым нет совершенно никакого сомнения в его знакомстве, причем близком и самом непосредственном, с сочинениями Канта. Когда же у Толстого пробудился интерес к немецкому философу? И отразилось ли чтение Канта на самих произведениях русского писателя?

Заинтересовался Толстой Кантом далеко не сразу. В конце 60-х годов XIX века русский писатель куда более ценил и даже превозносил иного немецкого философа – А. Шопенгауэра. Особенно много Толстой читал и занимался философией летом 1869 года. Восхищение Шопенгауэром было у Толстого в этот период столь велико, что он приобрел его портрет и повесил его в своем кабинете⁵. Крайне важно, что увлечение Шопенгауэром возникло у Толстого во время завершения работы над романом «Война и мир». В августе 1869 года Толстой писал А. А. Фету: «Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, к[оторых] я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (*прочел и Канта*), и, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето. Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Ш[опенгауэр] гениальнейший из людей. Вы говорили, что он так себе кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это весь мир в невероятно-ясном и красивом отражении. Я начал переводить его. Не возьметесь ли и вы за перевод его?»⁶.

⁴ Список этих книг с указанием записей и пометок см. в: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. III. Книги на иностранных языках. Ч. 1. А-Л. Тула, 1999, с. 553-558; Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Ч. 1. М., 1972, с. 335-337.

⁵ Портрет этот наряду с томами академического издания Канта («Критика практического разума» и «Религия в пределах одного только разума») можно увидеть в кабинете Толстого в музее-усадьбе Ясная Поляна и ныне.

⁶ *Толстой, Л. Н.* Письмо к А. А. Фету от 30 августа 1869 г. В: *Толстой, Л. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 61. М., 1953, с. 219. Курсив А. К. Все сочинения, заметки и письма Толстого будут

Какое же произведение Канта Толстой читал в 1869 году? Судя по тому, что даже в 1877 году русский писатель неуверенно говорит о существовании «Критики практического разума», а также опираясь на имеющиеся в домашней библиотеке Толстого книги Канта, можно с большой долей вероятности предположить, что это был французский перевод «Критики чистого разума». Позднее, в 1896 году, писатель вспоминал об этом так: «Я читал Канта и почти ничего не понял, и понял его только тогда, когда стал читать и, особенно, перечитывать Шопенг[ауэра], кот[орым] я одно время очень увлекался»⁷. Справедливости ради стоит отметить, что одно высказывание Толстого 1887 года ставит под сомнение данное предположение: «на днях прочел [...] Кр[итику] спекулятив[ного] разума»⁸. Однако упоминает Толстой о первой кантовской «Критике», выражая свой восторг при первом чтении «Критики практического разума». Прочсть сразу две «Критики» за несколько дней – задача нереальная. Скорее всего, в 1887 году Толстой еще раз пролистал «Критику чистого разума», которую он прочитал впервые еще ранее. Произведение это Толстой не оценил ни в конце 60-х, ни в конце 80-х годов XIX века⁹. Но действительно ли Лев Николаевич «почти ничего не понял» в Канте в 1869 году? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, стоит подробнее взглянуть на его записи в экземпляре книги Канта, а также обратить внимание на иные высказывания этого периода.

Толстой оказался весьма удивительным читателем «Критики чистого разума». То, на что обращает внимание большинство специалистов или просто интересующихся философией Канта – учение о пространстве и времени, дедукция категорий или антиномии чистого разума¹⁰ – Толстой скорее

цитироваться далее по этому изданию.

Некоторый интерес Толстой испытывал к Шопенгауэру и в 80-х годах XIX века, уже после определенного разочарования в нем, о чем свидетельствуют новые русские переводы Шопенгауэра в толстовской библиотеке (*Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Пер. А. Фета. СПб., 1881; Шопенгауэр, А. О четверояком корне закона достаточного основания. Философские рассуждения. Пер. А. Фета. М., 1886; Шопенгауэр, А. Полное собрание сочинений. Пер. Ю. И. Айхенвальда. Вып. 1-5. М., 1900; Шопенгауэр, А. О религии. Диалоги. Пер. П. Пороховицкова. СПб., 1908; из немецких сочинений Шопенгауэра в библиотеке Толстого имелись такие издания: Schopenhauer, A. Parerga und Paralipomena. Kleine philosophische Schriften. Hrsg. von H. Hirt. Halle; Schopenhauer, A. Parerga und Paralipomena. Kleine philosophische Schriften. Bd. 2. Berlin, 1862; Schopenhauer, A. Ueber die vierfachen Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde. Eine philosophische Abhandlung. Leipzig, 1864). Внимательнее всего Толстой прочитал «Мир как воля и представление» в переводе Фета, который и стал переводить Шопенгауэра, вероятно, под влиянием Толстого, как следует из приведенного письма. О работе Фета над этим переводом см.: Фет, А. А. Мои воспоминания. 1848-1889. Ч. II. М., 1890, с. 350. Более того, по свидетельству Н. Н. Страхова, Фет собирался переводить и Канта, см.: Страхов, Н. Н. Письмо к Л. Н. Толстому от 14 мая 1878 г. В: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870-1894. СПб., 1914, с. 169. Переводы же Шопенгауэра со стороны самого Толстого, о которых он упомянул в письме, неизвестны. См. на тему Шопенгауэр-Толстой также: Ремизов, В. Б. Обретение своего пути. Л. Толстой читает И. Канта и А. Шопенгауэра. В: Филологические записки. Воронеж. Вып. 15 (2000). Вып. 16 (2001).*

⁷ Толстой, Л. Н. Письмо к Г. А. Русанову от 16 января 1896 г. Т. 69. М., 1954, с. 24. Курсив А. К.

⁸ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 16 октября 1887 г. Т. 64. М., 1953, с. 105.

⁹ Но даже и с учетом данного обстоятельства Кант не шел у Толстого ни в какое сравнение с Гегелем, сочинения которого он считал «пустым набором фраз» (*Толстая, С. А. Дневники в 2-х томах. Т. 1. 1862-1900. М., 1978, с. 495 – запись 1870 года, относящаяся к 1869 году; см. также Толстой о Гегеле: Т. 48. М., 1952, с. 345; Т. 61, с. 348).*

¹⁰ Справедливости ради, стоит отметить, что в данном издании тезис и антитезис антиномий расположены крайне неудачно – не на соседних страницах, а друг за другом. Уже во втором издании этого французского перевода (Т. 2. Paris, 1845) ситуация будет исправлена.

пролистал, нежели прочитал. Во всей первой части «Критики чистого разума» (а данное французское издание состоит именно из двух частей) нет ни одной пометки Толстого и лишь загнуты две страницы. Пометок же во втором томе достаточно много, но все они расположены в разделе, до которого не многие и добираются – учение о методе. И дисциплину, и канон, и архитектонику, и историю чистого разума писатель прочитал внимательнейшим образом.

Толстой обратил внимание на слова Канта о порочности, притворстве и лицемерии человеческой природы¹¹, а также о пределах и границах человеческого разума¹². Русский писатель отметил и рассуждения кенигсбергского философа о практических понятиях, об их отношении к предметам удовольствия и неудовольствия¹³. А вот кантовские пассажи о воле и законах свободы¹⁴ вызвали у Толстого вопросы. Примечательно, что писатель никак особо не выделил три знаменитых вопроса Канта¹⁵. По поводу же рассуждений философа о связи нравственности и блаженства¹⁶ Толстой на полях книги написал: «Счастье высшее благо в добре». А напротив кантовского пассажа о том, что «нравственные идеи создали понятие о божественной сущности»¹⁷, Толстой написал: «Добро ведет к познанию Бога – всегда». Слова же философа о том, что «мы будем считать поступки обязательными не потому, что они суть заповеди Бога, а будем считать их Божественными заповедями потому, что мы внутренне обязаны совершать их»¹⁸, Толстой подчеркнул и поставил напротив них на полях «5+». Кантовский раздел «О мнении, знании и вере» вызвал у Толстого противоречивые реакции. С одной стороны, писатель отчеркнул его первые два абзаца об убеждении¹⁹. С другой стороны, трактовка мнения, знания и веры²⁰ вызвала резкое несогласие Толстого, в связи с чем он и написал на полях: «Какой вздор». Вероятно, с положительной точки зрения Толстой отметил пари как способ испытать веру²¹. А вот напротив слов Канта о том, что «никто не будет в состоянии хвастаться знанием того, что Бог и загробная жизнь существует»²², Толстой написал: «глупо».

Замечание немецкого философа о том, что человеческая душа питает естественный интерес к моральности, который следует развивать²³, Толстой оценил очень высоко, поставив напротив примечания на полях «5». Еще выше писатель оценил кантовский пассаж о том, что даже при отсутствии добрых чувств, побуждающих человека к божественной сущности, в него можно вселить страх отсутствием уверенности в несуществовании загробной жизнью,

¹¹ Соответствующие страницы Кант загнул, см.: *Кант, И.* Критика чистого разума. М., 1994 (в дальнейшем – КЧР), с. 441-442, *Kant, I.* Kritik der reinen Vernunft, В 775-776. Здесь приводятся параллельные французскому изданию страницы «Критики чистого разума» на русском и немецком языках. Все приводимые пометки из изданий почерпнуты непосредственно в самих книгах библиотеки Толстого в Ясной Поляне. Кантовские сочинения на немецком языке цитируются по изданию В. Вайшеделя: *Kant, I.* Werke in zehn Bänden. Darmstadt, 1983, с указанием оригинальной пагинации (А – первое издание, В – второе).

¹² Толстой отчеркнул эти строки, см.: КЧР, с. 448, В 789.

¹³ Толстой отчеркнул текст примечания, см.: КЧР, с. 469 прим., В 829 Anm.

¹⁴ См.: КЧР, с. 470, В 829-830.

¹⁵ См.: КЧР, с. 471, В 833.

¹⁶ См.: КЧР, с. 474, В 837-838.

¹⁷ КЧР, с. 478-479, В 846.

¹⁸ КЧР, с. 479, В 847.

¹⁹ См.: КЧР, с. 480, В 848.

²⁰ См.: КЧР, с. 482, В 850.

²¹ См.: КЧР, с. 482, В 852-853. Соответствующие строчки Толстой отчеркнул.

²² КЧР, с. 484, В 856-857.

²³ КЧР, с. 485 прим., В 858 Anm.

ибо доказать такое несуществование невозможно²⁴ – на полях напротив этого рассуждения Толстой поставил «5+». Относительно же последнего кантовского абзаца в каноне чистого разума о том, что знанием, касающимся всех людей, должен заниматься и обыденный рассудок, а не только философы²⁵, Толстой написал: «Превосходно». Обратил внимание писатель и на кантовскую трактовку исторического знания²⁶. А вот некоторые аспекты разделения Кантом математического и философского знания в архитектонике чистого разума Толстого не устроили²⁷.

Уже этот обзор толстовских заметок в его экземпляре «Критики чистого разума» позволяет утверждать, что русского писателя интересовали не знаменитые и головоломные трудности кантовского трактата, а сугубо экзистенциальные вопросы, лежащие в основе кантовских рассуждений. И здесь Толстой показал поразительную проницательность. Он заметил то, что просмотрели (и просматривают) многие знатоки кантовской философии. Поразительно, но темами обсуждения для Толстого в «Критике чистого разума» – трактате, который для многих является произведением по теории познания или философии науки – стали такие вопросы, как порочность человеческой природы, нравственные идеи, взаимосвязь счастья и истинной нравственности и т.д. Уместно в этой связи сравнить, как читали «Критику чистого разума» некоторые известные русские современники Толстого. В. Н. Станкевич, например, в своих письмах к М. А. Бакунину неоднократно жаловался на то, что понимать кантовскую «Критику» ему мешает недостаточное знание психологической терминологии. Вынес он от знакомства с кантовскими произведениями не так уж и много²⁸. Совершенно иначе читал это кантовское произведение Толстой. Несмотря на недостаток специальных философских и психологических знаний, понял он в Канте больше, чем его современники, усиленно штудировавшие кантовскую терминологию. На это красноречиво указывают некоторые толстовские записи в дневнике 1870 года, то есть вскоре после знакомства с кантовским текстом.

В апреле 1870 года Толстой пишет: «Кант говорит, что пространство, время – суть формы *нашего* мышления. Но, кроме пространства и времени, есть форма нашего мышления – *индивидуальность*»²⁹. Это высказывание показывает, что несмотря на отсутствие заметок в трансцендентальной эстетике, суть кантовского учения Толстой схватил верно. Ясны были для Толстого и следствия, вытекающие из этого учения: «Даже форма, к[оторой] представляются человеку явления мира, не формы мира, а формы ума, выражаемые логикой, математикой. Что значит то, когда мы говорим, что небесные тела движутся по эллипсам (как зак[он] Кеплера). Разве это значит, что они так движутся? Это значит только то, что мне представляются они в движеньи, и время, и пространство, и эллипсы только формы моего ума, мои

²⁴ КЧР, с. 485, В 857-858.

²⁵ КЧР, с. 485-486, В 858-859.

²⁶ Он отчеркнул соответствующие строки, см.: КЧР, с. 488, В 864.

²⁷ См.: КЧР, с. 489, В 865-866. На этих страницах Толстой написал: «Неправда», «Одно и то же».

²⁸ См.: Станкевич, Н. В. Письма к М. А. Бакунину от 4, 7, 12, 15 и 16 ноября 1835 г. В: Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. Ред. А. Станкевича. М., 1914, с. 577-589; см. также Письмо к Я. М. Неверову от 10 ноября 1835 г. В: там же, с. 337; Письмо к Л. А. Бакуниной от 17 января 1837 г. В: там же, с. 505.

²⁹ Толстой, Л. Н. Записная книжка № 4. Т. 48, с. 126. Комментируя данное высказывание писателя, В. Б. Ремизов подчеркивает, что Толстого, интересует в отличие от Канта проблема восприятия «червяка», «козявки». См.: Ремизов, В. Б. Обретение своего пути. Л. Толстой читает И. Канта и А. Шопенгауэра. В: Филологические записки, Вып. 16 (2001), с. 75-76.

представления. Мы думали, что солнце движется, потом думали, что луна описывает круги, теперь думаем, что земля описывает круги. Представьте себе человека, равномерно вертящегося кругом на качелях и под колпаком граненого разноцветного стекла. Как бы он описывал мир. Явление мира он описал бы и подвел под законы; но определили ли бы эти законы настоящий мир? Вычисления его были бы математически и логически верны, но он никогда не мог бы понять, что вокруг него ничто не движется, и какую форму имеют предметы вне граненого цветного колпака. Движение, пространство, время, материя, формы движения – круг, шар, линия, точки – все только в нас»³⁰.

Иное замечание этого же периода проясняет понимание русским писателем задач философии и искусства и их различие: «Декарт отвергает все сильно, верно, и вновь воздвигает произвольно, мечтательно. Спиноза делает то же. Кант то же. Шопенгауэр то же. – Но зачем воздвигать? Работа мысли приводит к тщете мысли. Возвращаться к мысли не нужно. Есть другое орудие – искусство. [...] Одно искусство не знает ни условий времени, ни пространства, ни движения...»³¹. Но о том, насколько глубоко Толстой проник в центральные для критической философии вопросы, свидетельствуют две его других записи. Писатель пытается подойти к великим философам прошлого не как к персонажам учебников, а как к актуальным собеседникам: «Шопенгауэр необходим для того, чтобы дать понятие о свойствах забытого нами настоящего мышления. – *Забытого особенно благодаря Ф[ихте], Ш[еллингу], Г[егелю]* периода упадка. Мы не знали и забыли те приемы Платона, Декарта, Спинозы, Канта, тружеников независ[имых], страшных по своей оторванности и глубине. А у нас свели их в рамки истории философии [...] Нужно, чтобы разбить египетского мнимого защитника божества, к[оторого] разбивает всякий искрен[ный] мальчик. Нужно, потому что никто более, как он, не приводит к Nichts'у ...»³². Здесь Толстой любопытно отзывается о смысле и пользе критики неверных или некорректных доказательств бытия Божия. Именно они, а не их критика, ведут, по мысли писателя, к неверию и ничто. Кроме того, примечательно и противопоставление Канта философам немецкого идеализма Фихте, Шеллингу и Гегелю. Наконец, дневниковая запись марта 1870 года отчетливо указывает на то, как тонко Толстой понял границы для науки, вытекающие из критической философии Канта: «Книгопечатание содействует просвещению [...] Как в громаде книг желающему учиться найти то, что нужно? [...] *Естественники решают фил[ософские] метаф[изические] задачи, а если бы они прочли Канта, вся работа их не имела бы места.* А они прочли кипы книг, но не попали на настоящую»³³. К результатам чтения «Критики чистого разума» стоит отнести и более позднее замечание Толстого из «Исповеди»: «Несмотря на то, что я вполне был убежден в невозможности доказательств бытия Божия (Кант доказал мне, и я вполне понял его, что доказать этого нельзя), я все-таки искал Бога, надеялся на то, что я найду его, и обращался по старой привычке с мольбой к тому, что я искал и не находил. То я проверял в уме доводы Канта и Шопенгауэра о невозможности доказательства бытия Божия, то я начинал опровергать их»³⁴. Таким образом, хотя Толстой и не бряцал терминами вроде

³⁰ Толстой, Л. Н. Записная книжка № 4. Т. 48, с. 117. Март 1870 г.

³¹ Там же, с. 118. Март 1870 г.

³² Там же, с. 126. Апрель 1870 г. Курсив А. К.

³³ Там же, с. 118. Курсив А. К. О критике Толстым ложной учености и ученого высокомерия см. также: Ремизов, В. Б. Обретение своего пути. Л. Толстой читает И. Канта и А.Шопенгауэра. В: Филологические записки. Вып. 16, с. 69.

³⁴ Толстой, Л. Н. Исповедь. Т. 23. М., 1957, с. 44.

«аппрегензия», «амфиболия», «априорный» или «трансцендентальный», многие важные вопросы «Критики чистого разума» он уяснил достаточно глубоко.

Предшествующий разбор позволяет оценить степень влияния кантовских сочинений на роман Толстого «Война и мир» (1869 г.). В окончательном варианте романа имя Канта не упоминается, хотя из редакционных вариантов можно узнать, что герой романа, князь Андрей, интересовался философией и читал произведения Канта³⁵. Некоторые исследователи нередко указывают на знаменитый «Эпилог» романа, в котором угадываются некоторые черты антиномий чистого разума. По всей вероятности, в «Эпилоге» и в самом деле присутствуют следы кантовского учения об антиномиях, однако опосредованным образом. И имя посредника указать нетрудно – им явился Шопенгауэр. Собственные же кантовские антиномии в «Критике чистого разума» Толстого, судя по всему, не задел, либо же остались не до конца понятыми. Наибольшие параллели напрашиваются в эпилоге с третьей антиномией «Критики чистого разума». Ее тезис гласит: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность (Causalität durch Freiheit)»³⁶. Напротив, антитеза утверждает: «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы»³⁷. Толстой же рассматривает понятие причины применительно к нравственной и физической сфере³⁸, пытается разрешить противопоставление свободы воли и закона³⁹, свободы и необходимости в истории⁴⁰. В окончательном варианте эпилога можно найти формулировки, звучащие довольно кантиански в широком смысле слова: «для того чтобы представить себе действие человека, подлежащее одному закону необходимости, без свободы, мы должны допустить знание бесконечного количества пространственных условий, бесконечного великого периода времени и бесконечного ряда причин. Для того чтобы представить себе человека совершенно свободного, не подлежащего закону необходимости, мы должны представить его себе одного *вне пространства, вне времени и вне зависимости причин*»⁴¹.

Но если в окончательном варианте кантианские формулировки можно только угадывать, то в черновых набросках эпилога «Войны и мира» имя Канта встречается неоднократно, причем именно в связи с проблемой свободы,

³⁵ Толстой, Л. Н. Война и мир. Редакционные варианты. Т. 9. Москва, 1937, с. 449 (вариант к: Кн. 1, Ч. 2, гл. III): благодаря философии князь Андрей «мог чувствовать себя выше и таких людей, как сам Кутузов, а чувствовать это было необходимо для душевного спокойствия князя Андрея. Он взял последнее, лежавшее у него на столе, до половины разрезанное, сочинение Канта и принялся читать. Но мысль его была далеко, и беспрестанно представлялась ему его любимая мечта, – знамя Аркольского полка».

³⁶ КЧР, с. 278, В 472.

³⁷ КЧР, с. 279, В 473.

³⁸ См.: Толстой, Л. Н. Война и мир, Эпилог, VII.

³⁹ См.: там же, XVIII.

⁴⁰ См.: там же, IX.

⁴¹ Толстой, Л. Н. Война и мир. Т. 12. М., 1933, с. 335 (Эпилог, X). Курсив А. К.

Сходные проблемы Толстой обсуждал в переписке с Фетом. Так, в письме Толстому Фет писал в 1869: «Достоевский все продолжает веровать в свободу воли, не подозревая, что человеческий ум не открыл ничего первобытнее и смелее воли, которая так же стихийна и несвободна, как притягательная и всякая другая сила природы, которые в сущности только ее видоизменения. Очевидно, тот, кто возится с свободной волей, возится и с преступлениями, адвокатами и наказаниями, принимая эти вещи не за условные, а за самую сущность. И выходит бог знает что. [...] Если бы кто ухитрился беспричинно украсть, я бы его признал богом». Шеншин, А. [Фет, А. А.] Письмо к Л. Н. Толстому от 16 марта 1877 г., с. 223.

«миража свободы»⁴². Толстой при этом прямо указывает на кантовскую критику: «В области философии, то есть в области чистого мышления, Кант в тезе и антитезе 3-й антиномии и в разрешении космологической идеи свободы в соединении с общей и естественной необходимостью, и Шопенгауэр в его «Preisschrift über die Freiheit des Willen» и «Welt als Wille und Vorstellung», сказали, как мне кажется, последнее слово философии в постановлении и разрешении вопроса. Доказав неотразимо с точки зрения разума закон причинности или необходимости, Кант по тому же пути разума приходит к признанию Intelligible Welt, который, в противоположность воле чувственной, не подлежит закону причинности и может существовать наравне с общим законом необходимости. Т.е. Кант путем мышления пришел к необходимости признания другого источника знания – непосредственного сознания, которое он признает предметом трансцендентного мышления, чистым разумом или Ding an sich, которое в его философии сливается с этим трансцендентным понятием разума»⁴³.

Толстой сравнивает Шопенгауэра с Кантом, указывая на ряд принципиальных согласий между обоими мыслителями, однако не забывая и о различиях. Шопенгауэр уже на основе естественных наук еще раз подтверждает то, что ранее доказал Кант, и «приходит к признанию источника непосредственного знания – того самого Ding an sich, который х-ом остался у Канта или понимался как чистый разум, и источник этого знания видит в непосредственном сознании воли – Der Wille zum Leben, который есть не что иное как непосредственное сознание, то самое непосредственное сознание, до которого по пути мысли громадным и величественным трудом достигли эти два величайших мыслителя, но которое во всей его силе и ясности лежит в душе каждого, самого дикого человека ...»⁴⁴. Главное же отличие Толстого от Канта и Шопенгауэра состоит, по мнению писателя, в том, что первый отождествляет в метафизическом смысле понятие свободы и сознание воли. Источник антиномии Толстой усматривает не в необходимой иллюзии разума, вытекающей из его собственной природы: «Сознание говорит: я свободен. Разум говорит: я подлежу законам. Соглашение этих противуречий кажется невозможным, и вместе с тем противуречие это происходит не от ошибки мышления, как то говорит Кант, ибо сознание не может подлежать ошибкам мышления»⁴⁵. Что подразумевает Толстой, противопоставляя сознание и мышление, несколько проясняет следующая его фраза: «невозможно представление о двух предметах, наполняющих одно и то же пространство [вне времени]. Необходимость и свобода несовместимы вне времени; но жизнь человека происходит во времени или, по объяснению Канта, мы мыслим только посредством формы мышления – времени. Свобода и необходимость могут быть понятия, зависящие от времени или от того, прилагаем ли мы к явлению форму времени или нет»⁴⁶.

Таким образом, хотя Толстой и упоминает Канта и даже его «Критику чистого разума» в черновых набросках «Войны и мира», пришел писатель к подобным рассуждениям⁴⁷, скорее, под влиянием Шопенгауэра и

⁴² См.: Толстой, Л. Н. Война и мир. Черновые варианты и редакции. Т. 15. М., 1955, с. 189, 224-227, 231-232, 243-244.

⁴³ Там же, с. 245-246.

⁴⁴ Там же, с. 246.

⁴⁵ Там же, с. 251. См. также с. 247.

⁴⁶ Там же, с. 251 прим.

⁴⁷ А вот как относился к подобным философским размышлениям в литературных произведениях И. С. Тургенев: «Радуюсь, что Лев Толстой [...] оканчивает большой роман. Дай только Бог,

шопенгауэровской интерпретации кантовской философии, а не под влиянием самого Канта. Об этом, в частности, свидетельствуют многие незначительные неточности в истолковании кантовского текста, объяснимые влиянием второисточника. Кроме того, Толстой и сам напрямую в своих письмах и высказываниях не скрывал этого. Вот и в письме к А. А. Фету он заметил: «Участие ваше к моему эпилогу меня тронуло. Юркевичу я читал, и он на мои речи ничего не сказал мне, кроме отрывка из своей лекции. Главное же, почему я не бо[юсь?], потому, что то, что я написал, особенно в эпилоге, не выдуманно мной, а выворочено с болью из моей утробы. Еще поддержка то, что Шопенгауэр в своей Wille говорит, подходя с другой стороны, то же, что я»⁴⁸.

После проявившегося в 1869-1870 гг. интереса к Канту у Толстого несколько лет практически не встречается никаких серьезных записок или заметок о нем. Тем не менее, имя кенигсбергского философа упоминается в следующем великом романе писателя – «Анна Карениной», над которой он работал в 1873-1877 гг. Герой романа Левин читает Платона, Спинозу, Канта, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра как философов, которые нематериалистически объясняли жизнь⁴⁹. К этому же периоду относится и крайне любопытная переписка Толстого с Н. Н. Страховым, хорошо проясняющая отношение Толстого к философии. В письме Толстому в ноябре 1875 года Страхов написал: «Из трех главных вопросов, которые указывает Кант в Критике чистого разума: 1, что я могу знать? 2, что я должен делать, 3, чего мне следует надеяться? – я считаю самым важным второй»⁵⁰. Далее он поинтересовался мнением Льва Николаевича на сей счет.

Ответ Толстого поразителен: «из 3-х вопросов Канта меня (в этом различие наших характеров) занимает только, и с детства занимал, один последний вопрос – на что мы можем надеяться? Различие между мною и вами только внешнее. Для всякого мыслящего человека все три вопроса нераздельно связаны в один – что такое моя жизнь, что я такое? Но каждому человеку инстинкт предчувствия, опыта, ума – что хотите – указывает на то, какой из этих трех замков этих дверей легче отпирается, для какого у него есть ключ, или, может быть, к какой из дверей он приткнут жизнью; но несомненно то, что достаточно отворить одну из дверей, чтобы проникнуть в то, что заключается за всеми»⁵¹. В лекциях по логике, а также в одном из писем Кант добавил три своих вопроса из «Критики чистого разума» четвертым, главным, к которому, собственно, и сводятся три предыдущих: что такое человек?⁵² Толстой об этом знать вряд ли мог, однако независимо от мысли немецкого философа он приходит к тому же самому выводу. И это не единственный случай независимых друг от друга, но схожих открытий немецкого философа и русского писателя. Кстати, шесть лет спустя, в законченной в 1881 году «Исповеди» Толстой

чтобы там философии не было». *Тургенев, И. С.* Письмо к А. А. Фету от 13 сентября 1873 г. В: *Фет, А. А.* Мои воспоминания. Ч. II, с. 281.

⁴⁸ *Толстой, Л. Н.* Письмо к А. А. Фету от 10 мая 1869 г. Т. 61, с. 216-217.

⁴⁹ *Толстой, Л. Н.* Анна Каренина. Т. 19. М., 1935, с. 369 (Ч. 8, гл. 9).

⁵⁰ *Страхов, Н. Н.* Письмо к Л. Н. Толстому от 16-23 ноября 1875 г. В: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, с. 69. См. также о Канте: *Страхов, Н. Н.* Письмо к Л. Н. Толстому от 1 марта 1877 г. В: там же, с. 105-106.

⁵¹ *Толстой, Л. Н.* Письмо к Н. Н. Страхову от 30 ноября 1875 г. Т. 62. М., 1953, с. 219-220. Курсив А. К.

⁵² См.: *Кант, И.* Логика (1800, изд. Г. Б. Йеше). В: *Кант, И.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Под ред. А. В. Гулыги. Т. 8. М., 1994, с. 280, *Kant, I.* Logik, A 25; *Кант, И.* Письмо к Штейндину от 4 мая 1793 года, Т. 8, с. 554, *Kant's gesammelte Schriften*, Bd. XI, Berlin, 1922, S. 429.

сформулирует и свои собственные три вопроса: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?»⁵³.

По мнению Толстого, к философии не приложим научный метод: «убедительность наук зиждется на логике, на выводе, убедительность же философии – на гармоничности»⁵⁴. Всякая настоящая философия имеет своей задачей ответить на вопросы Канта, т. е. объяснить смысл жизни⁵⁵. Позитивизм даже и не является по Толстому философией в собственном смысле. А такие мыслители, как Декарт, Спиноза, Кант, Шеллинг, Гегель или Шопенгауэр писали истинные философские произведения, но с несвойственным предмету методом изложения⁵⁶. Предметами философии являются жизнь, душа, воля, разум; они не подлежат рассечению, у них нельзя устранить какие-то стороны⁵⁷. Так, «жизнь, как предмет философии, есть жизнь по всей ее цельности, т.е. то, что все живущее знает о себе»⁵⁸. Именно отталкиваясь от своего истолкования жизни, Толстой и дает ответ на второй кантовский вопрос: «жизнь есть только переход из любви к себе, т. е. из жизни личной, т. е. этой, к любви не себя, т. е. к жизни общей, т. е. не этой, и потому на вопрос, что я должен делать, я ответил бы: любить не себя, т. е. каждый момент сомнения я разрешал бы тем, чтобы выбирать то, где я удовлетворяю любви не к себе»⁵⁹.

Писатель приходит к следующей дефиниции философии: «Философия, в личном смысле, есть знание, дающее наилучшие возможные ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти. В общем смысле, это есть соединение в одно согласное целое всех тех основ человеческих знаний, которые не могут получить логических объяснений»⁶⁰. В этом случае она не оказывается резко противопоставленной науке или религии. Более того, Толстой приходит к выводу, что в общем смысле эти три сферы являются одним и тем же. Наука – это собрание всех подразделенных человеческих знаний, и она не может браться как одно целое. Философия – это соединение всех разделенных человеческих знаний с опровержением других возможных типов подобных соединений. Наконец, религия оказывается соединением разделенных знаний без какого бы то ни было опровержения иных соединений, а поэтому философия и религия отличаются лишь в вопросе полемического характера⁶¹.

Через четверть столетия Толстой вновь вернется к этим вопросам и выразит свою позицию уже несколько иначе, с иными акцентами. В начале XX века он напишет в связи с современной ему философией: «Поразительнее же всего это уклонение от основных вопросов и извращение их в том, что в наше время называется философией. Казалось бы, есть один вопрос, подлежащий решению философии: что мне делать? И на этот вопрос, если и бывали в философии христианских народов, хотя и соединенные с величайшей ненужной путаницей, ответы, как они были у Спинозы, Канта в его критике практического разума, у Шопенгауэра, в особенности Руссо, ответы эти все-таки были. Но в

⁵³ Толстой, Л. Н. Исповедь, с. 16. Курсив А. К.

⁵⁴ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 30 ноября 1875 г., с. 224.

⁵⁵ См.: там же, с. 221.

⁵⁶ См.: там же.

⁵⁷ См.: там же, с. 223.

⁵⁸ Там же. В вовлеченности Толстого во все, со всеми за и против, В. Б. Ремизов видит отличие писателя от Канта. См.: Ремизов, В. Б. Обретение своего пути. Л. Толстой читает И. Канта и А. Шопенгауэра. В: Филологические записки, Вып. 16 (2001), с. 75.

⁵⁹ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 30 ноября 1875 г., с. 226.

⁶⁰ Там же, с. 225.

⁶¹ См.: там же, с. 229.

последнее время, со времени Гегеля, признавшего все существующее разумным, вопрос: что делать? отходит на второй план, философия все внимание направляет на исследование того, что есть, и подведение этого под вперед составленную теорию»⁶². Забвение исконных философских вопросов, свойственных Канту, Толстой связывает, во-первых, с Гегелем, во-вторых, с дарвиновской идеей борьбы за существование, переносимой на людей, и, наконец, с «мальчишеским оригинальничаньем полубезумного Ничше». Все это приводит, по мысли Толстого, к тому, что «в ответ на вопрос: что делать? уже прямо говорится: жить в свое удовольствие, не обращая внимания на жизнь других людей»⁶³.

«Критику практического разума» Толстой впервые упоминает в своих письмах в 1877 году, причем довольно курьезным образом. Он пишет Страхову: «Одного мне еще нужно – это Кантову этику, «Критика практич[еского] разума», кажется; но я выписал себе»⁶⁴. Фету же, который вез ему «Критику чистого разума», Толстой написал: «Критика der reinen Vernunft у меня есть – мне нужно Критику практического разума. Мне кажется, что есть такая»⁶⁵. Приобрести «Критику чистого практического разума»⁶⁶ ему удалось уже в январе 1878 года. Однако прочитал сочинение Канта по этике Толстой лишь спустя 10 лет, и оно его потрясло. Какие же заметки остались в книжном экземпляре писателя?

Толстой загнул страницу со знаменитым кантовским пассажем о долге⁶⁷, а также с кантовским объяснением, что для спасения свободы необходимо приписывать ее человеческому существу как вещи самой себе, а причинность и необходимость – этому же существу как явлению⁶⁸. Привлекли внимание писателя и кантовские рассуждения про основоположение нравственности как основание необусловленной причинности, свободу и человеческое существо в чувственном и интеллигибельном мире⁶⁹. Кроме того, Толстой отметил мысль об антиномиях как благотворном заблуждении, побуждающем нас искать ключи для их разрешения⁷⁰, о философии как любви к мудрости и к науке⁷¹, о высшем благе как цели практического разума⁷².

А вот фраза философа о том, что святость недоступна разумному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент его существования⁷³, была писателем подчеркнута и сопровождается знаком вопроса. Выделил Толстой и кантовскую мысль об отношении равенства между

⁶² Толстой, Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее? (1901-1902) Т. 35. М., 1950, с. 183.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 17 ...18 декабря 1877 г. Т. 62, с. 359.

⁶⁵ Толстой, Л. Н. Письмо к А. А. Фету от 24 декабря 1877 г. Т. 62, с. 362.

⁶⁶ См.: Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 3 января 1878 г. Т. 62, с. 369. Судя по всему, книгу эту ему привез все же Фет. В примечании (там же, с. 370) указано, что речь идет о русском переводе «Критики практического разума» Н. Смирнова. Однако это утверждение ошибочно. Во-первых, перевод Смирнова вышел только в 1879 году (СПб., типография и хромолитография А. Граншеля); в 1878 же году появился лишь отрывок из произведения Канта в переводе И. Панаева. Во-вторых, русского перевода «Критики практического разума» в личной библиотеке Толстого нет. В-третьих, доподлинно известно, что читал этот этический трактат Толстой в оригинале, на немецком языке.

⁶⁷ См.: Кант, И. Критика практического разума. В: Кант, И. Сочинения в 8-ми томах. Т. 4. М., 1994 (в дальнейшем – КПр), с. 477, Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft, A 154.

⁶⁸ См.: КПр, с. 487-488, A 170.

⁶⁹ См.: КПр, с. 499-500, A 188-189. Эти строки отчеркнуты.

⁷⁰ См.: КПр, 502-503, A 193. Соответствующее место отчеркнуто.

⁷¹ См.: КПр, с. 503, A 194. Строки отчеркнуты.

⁷² См.: КПр, с. 511, A 207. Соответствующий абзац отчеркнут.

⁷³ См.: КПр, с. 519, A 220.

спекулятивным ограничением и практическим расширением чистого разума⁷⁴, а высказывание: «Но вера, которая предписывается как заповедь, есть бессмыслица», – даже подчеркнул⁷⁵. С одобрением писатель отнесся и к строчкам философа о подчинении сердца долгу и о том, что мечта о заслуге не должна вытеснить мысль о долге⁷⁶.

Но самым бросающимся в глаза способом Толстой выделил знаменитые строки Канта про звездное небо и моральный закон⁷⁷. Более того, писатель даже отредактировал данные кантовские предложения⁷⁸. Указанный кантовский пассаж Толстой взял эпиграфом к своему произведению «О жизни» (1886-1887)⁷⁹. Некоторые исследователи усматривают влияние этой знаменитой фразы Канта в не менее знаменитой сцене «Войны и мира» Толстого, когда раненый князь Андрей смотрит на небо над полем сражения⁸⁰. Однако во время написания этого романа писатель ничего еще не знал о «Критике практического разума», а поэтому здесь, как и в случае с вопросом о человеке, Кант и Толстой независимо друг от друга пришли к схожим мыслям и образам.

Как только Толстой прочитал кантовское произведение по этике, он сразу же, еще под впечатлением от текста, отправил три письма. Вот о чем он писал Н. Я. Гроту в 1887 году: «читал и прочел в 1-й раз «Критику практического разума» Канта – и пришел в радостное восхищение. Мне кажется, что вы в своей работе о свободе воли, указавши на нелепые определения свободы новейших, напрасно оставили *определение Канта, которое нельзя обойти. Выделение свободы воли, как единственной постигаемой нами вещи самой в себе, из критики всего остального познания, есть венец всей его философской деятельности*, как он и сам говорит это. Если несправедливо его определение свободы, то несправедлива и вся его работа критики познания, на которой зиждется вся новая философия»⁸¹. Письмо схожего содержания Толстой отправил и П. И. Бирюкову: «Много испытал радости, прочтя в 1-й раз Канта Критику практического разума. *Какая страшная судьба этого удивительного сочинения.*

⁷⁴ См.: КИР, с. 541, А 255. Данную фразу писатель отчеркнул.

⁷⁵ См.: КИР, с. 544, А 260.

⁷⁶ См.: КИР, с. 555 прим., А 276-277 Апт. Примечание отчеркнуто.

⁷⁷ См.: КИР, с. 562-563, А 288-289.

⁷⁸ В его редакции оно должно звучать следующим образом (курсивом выделены зачеркнутые писателем фразы): «*Заключение. Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моей невидимой самости, с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи».*

⁷⁹ См.: Толстой, Л. Н. О жизни (1886-1887). Т. 26. М., 1936, с. 313.

⁸⁰ См.: Толстой, Л. Н. Война и мир. Т. 1, Ч. 3, XVI, см. также XIX. Эта сцена повлияла и на дальнейшую русскую литературу: достаточно упомянуть «Разгром» А. А. Фадеева, «Белую гвардию» М. А. Булгакова или «Обелиск» В. Быкова (см.: Булгаков, М. А. Белая гвардия. В: Булгаков, М. А. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 1. М., 1989, с. 426-427; Быков, В. Обелиск. В: Быков, В. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М., 1985, с. 389).

⁸¹ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Я. Гроту от 13-го октября 1887 г. Т. 64, с. 104. Курсив А. К. Реферат «О свободе воли» Грот прочитал в присутствии Толстого на заседании Московского психологического общества 25 февраля 1887 года.

Это венец всей его глубокой разумной деятельности, и это-то никому неизвестно. Если вы не прочтете в подлиннике, и я буду жив, переведу или изложу, как умею. – Нет ли биографии Канта в Публ[ичной] библиотеке, попросите от меня и пришлите»⁸². Но особенно интересно в этой связи письмо Толстого Н. Н. Страхову, написанное в те же дни: «читал и прочел в 1-й раз Критику практического разума Канта. Пожалуйста, ответьте мне: читали ли вы ее? когда? и поразила ли она вас? Я лет 25 тому назад поверил этому талантливому пачкуну Шопенгауэру (на днях прочел его биографию русскую и прочел Кр[итику] спекулятив[ного] разума, к[оторая] есть не что иное, как введение полемическое с Юмом к изложению его основных взглядов в Кр[итике] пр[актического] разума) и так и поверил, что старик заврался, и что центр тяжести его – отрицание. Я жил 20 лет в таком убеждении, и никогда ничто не навело меня на мысль заглянуть в самую книгу. Ведь такое отношение к Канту все равно, что принять леса вокруг здания за здание. Моя ли это личная ошибка или общая? Мне кажется, что тут есть общая ошибка. Я нарочно посмотрел историю философии Вебера, к[оторая] у меня случилась, и увидел, что Г. Вебер не одобряет того основного положения, к к[оторому] пришел Кант, что наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т.е. сама жизнь), и видит в нем только повод для элукубраций Фихте, Шеллинга и Гегеля и всю заслугу видит в Кр[итике] чистого разума, т.е. не видит совсем храма, к[оторый] построен на расчищенном месте, а видит только расчищенное место, весьма удобное для гимнастических упражнений. Грот, доктор философ[ии], пишет реферат о свободе воли, цитирует каких-то Рибо и др., определения которых представляют собой турнир бессмыслиц и противоречий, и Кантовское определение игнорируется, и мы слушаем и толкуем, открывая открытую Америку»⁸³.

Подводя итоги знакомства Толстого с этическим трактатом Канта, стоит отметить следующее. После прочтения «Критики практического разума» писатель существенно разочаровался в Шопенгауэре, Кант же в его глазах, напротив, сильно вознесся. Толстой, как и ранее, невысоко отзывается о «Критике чистого разума», считая ее своеобразным введением в «Критику практического разума» и видя ее смысл еще в некоем отрицании. «Критика чистого разума» представляет для Толстого строительные леса для храма – «Критики практического разума». Этот трактат Толстой считает венцом творчества кенигсбергского философа. В нем он особо восхищается кантовской трактовкой свободы, нравственных законов и рассмотрением человека как вещи самой по себе. Писатель поражается страшной судьбе «Критики практического разума», ее неизвестности и превратному толкованию⁸⁴. Хотя Толстой никогда серьезно не знакомился с историей философии, он, тем не менее, интуитивно почувствовал, что здесь налицо общая тенденция. Наконец, писатель с осуждением отзывается о превознесении «Критики чистого разума» и недоволен толкованием значения кантовской философии как предтечи немецкого идеализма. О самих же представителях данного течения – Фихте, Шеллинге и Гегеле – Толстой говорит довольно негативно и противопоставляет их Канту. Уже эти историко-философские оценки хорошо показывают, насколько глубоко

⁸² Толстой, Л. Н. Письмо к П. И. Бирюкову от 11 или 12 октября 1887 г. Т. 64, с. 102. Курсив А. К.

⁸³ Толстой, Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 16 октября 1887 г. Т. 64, с. 105-106. Курсив А. К.

⁸⁴ Ср. Толстой, Л. Н. Так что же нам делать? (1882-1885) Т. 25. М., 1937, с. 338: «Критика чистого разума принята научной толпой; критика же практического разума, та часть, которая содержит сущность нравственного учения, была отвергнута».

проникал Толстой своим взором в смысл философских концепций несмотря на то, что не был очень образован в данном вопросе⁸⁵. Проницательность Толстого можно показать и на примере толкований одной знаменитой фразы Канта из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума», в которой философ говорит: «мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере»⁸⁶. Сколько копий было сломано в советской кантоведческой литературе по поводу этой фразы и значении кантовского «aufheben»!⁸⁷ Усматривали в ней все что угодно – от иронии до скрытого материализма. Но вот как мог бы ее истолковать не оканчивавший философских факультетов Лев Николаевич: необходимо расчистить место («Критика чистого разума») для того, чтобы возвести на нем храм («Критика практического разума»).

Другим кантовским сочинением, произведшим на Толстого сильное впечатление, явилась «Религия в пределах одного только разума». Замечания писателя показывают, что чтение имело место и в августе-сентябре 1905 года, и в феврале 1906 года, и, наконец, в марте 1909 года⁸⁸. Дневниковые заметки об этом произведении имеют одну направленность: «Очень хорошо»⁸⁹; «Очень близко мне»⁹⁰. Имеются, правда, и критические замечания: «Очень хорошо, но напрасно он оправдывает, хотя и иносказательно, церковные формы. Кант неправ, говоря, что исполнение обрядов, вера в историч[еские] предания есть фетишизм и что это нечто совершенно противоположное разумной вере в нравственный закон. Вера в историч[еские] предания и в необходимости обрядов есть также вера закон, но нравственный закон понимается превратно. Кант прав, противопоставляя нравствен[ный] закон обрядовому, но я хочу сказать, что тот, кто верит в обряды и предания, всетаки верит, хотя и ошибается, признает нечто высшее, кроме животных потребностей»⁹¹.

Какие заметки сделал Толстой непосредственно в самом немецком тексте кантовского трактата о религии? Заслуживает внимания то обстоятельство, что предисловие с филологическими разъяснениями издателя он даже не разрезал.

⁸⁵ Это прекрасно показывает ответ на письмо Толстого гораздо более эрудированного в историко-философских вопросах Страхова: «Должен признаться, что Критики Практического разума я не читал, но знаю ее содержание по чужим изложениям, например по подробному изложению у Куно Фишера. Тот поворот, который тут делает Кант, конечно важен в высшей степени; но обыкновенно, как Вы и пишете, его оставляют без внимания. Скажу Вам еще более: у Фихте и Шеллинга этот самый поворот выразился еще резче; но обыкновенно об этом рассказывают как об упадке, различают у этих философов два периода, и сочинения второго периода считаются не важными, ничего не вносящими в науку» (Страхов, Н. Н. Письмо к Л. Н. Толстому от октября-ноября 1887 г. В: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, с. 357). И если Толстой противопоставлял Канта «гимнастическим упражнениям» Фихте и Шеллинга, то Страхов вновь пытается рассматривать кенигсбергского философа как «предтечу». Более того, Страхов сравнивает самого Толстого с Фихте: «Несколько лет тому назад Вл. Соловьев прямо мне говорил, что Вы проповедуете то же, что Фихте, – тут есть доля правды» (там же, с. 358). Любопытно, что о Канте как о предтече, но уже в другом смысле, говорил и П. Я. Чаадаев, сравнивая немецкого философа с Иоанном Крестителем, см.: Неизданные «Философические письма» П. Я. Чаадаева. В: Литературное наследство. Т. 22-24. М., 1935, с. 11; Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991, с. 612, 706, 768.

⁸⁶ КЧР, с. 24, В XXX.

⁸⁷ См., например, рассуждения на эту тему А. В. Гулыги: *Гулыга, А. В. Кант*. М., 1981, с. 129.

⁸⁸ См.: *Толстой, Л. Н.* Т. 55. М., 1937, с. 162, 186; Т. 57. М., 1952, с. 43; *Гусев, Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891-1910. М., 1960, с. 522. См. также об истолковании религии у Толстого и Канта в: *Шмелев, В. Д.* И. Кант и Л. Н. Толстой об истинах религии. В: Кантовский сборник. Вып. 18. Калининград, 1994, с. 37-44.

⁸⁹ *Толстой, Л. Н.* Дневник (19 сентября 1905 г.). Т. 55, с. 162.

⁹⁰ *Толстой, Л. Н.* Дневник (26 марта 1909 г.). Т. 57, с. 43.

⁹¹ *Толстой, Л. Н.* Дневник (2 февраля 1906 г.). Т. 55, с. 186-187.

Запись сделана писателем всего одна – на полях кантовских рассуждений о страстях маленького человека, его нахождения среди людей и действии доброго или злого принципа⁹² Толстой написал: «Церковь заменена упразднена всемирным общением». А вот отчеркнул он в трактате Канта довольно много абзацев. Внимание писателя привлекли следующие рассуждения философа: кантовское замечание о чудесах⁹³, колдовстве и фетишизме⁹⁴, трех видах иллюзорных верований⁹⁵, поповстве⁹⁶, лжеслужении Богу⁹⁷, о первоначальных задатках добра в человеческой природе⁹⁸, о моральном воспитании человека и главной роли в этом процессе долга⁹⁹, о средстве снискания благодати¹⁰⁰, чистой религии разума¹⁰¹, о всеобщности истинной церкви¹⁰², о приближении к Царствию Божию¹⁰³ и построении церкви¹⁰⁴, а также весь заключительный пассаж кантовского трактата¹⁰⁵. Некоторые мысли немецкого философа из его трактата о религии настолько глубоко запали в память русского писателя, что он неоднократно цитировал их в своих дальнейших работах. Так, например, кантовские рассуждения о религии как познании всех наших обязанностей в качестве божественных заповедей¹⁰⁶, Толстой процитировал в своем пацифистском сочинении «Одумайтесь!»¹⁰⁷. Похоже, под влиянием чтения именно этого произведения Канта Толстой пришел к одной важной и далеко не столь распространенной характеристике немецкого философа: «Кант считается отвлеченным философом, а он – великий религиозный учитель»¹⁰⁸.

После прочтения «Критики практического разума» Толстой был настолько восхищен Кантом и одновременно озадачен его превратным, по мнению писателя, толкованием, что он стал пытаться всячески пропагандировать сочинения кенигсбергского философа в России – «излагать, как могу». Начался этот процесс с подготовки сборника избранных мыслей Канта на русском языке. Прообразом для такого издания явилась, вероятно, сходная немецкая книга, о которой Толстой хорошо отзывался¹⁰⁹. При подготовке

⁹² См.: Кант, И. Религия в пределах только разума. В: Кант, И. Сочинения в 8-ми томах. Т. 6. М., 1994 (в дальнейшем РПР), с. 97-98, Kant, I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft, В 127–129.

⁹³ См.: РПР, с. 89-90, В 116-117.

⁹⁴ См.: РПР, с. 192-193, В 273-275.

⁹⁵ См.: РПР, с. 212-213, В 301-302.

⁹⁶ См.: РПР, с. 195-196, В 276-278.

⁹⁷ См.: РПР, с. 180-181, В 225.

⁹⁸ См.: РПР, с. 25-28, В 15-19.

⁹⁹ См.: РПР, с. 51-52, В 55-57.

¹⁰⁰ См.: РПР, с. 209-210, В 298.

¹⁰¹ См.: РПР, с. 162-163, В 227-228.

¹⁰² См.: РПР, с. 122-123, В 167-168.

¹⁰³ См.: РПР, с. 131-132, В 180-181.

¹⁰⁴ См.: РПР, с. 161-162, В 225.

¹⁰⁵ См.: РПР, с. 220-222, В 311-314. Привлекало внимание Толстого и кантовское сравнение тунгусского шамана и европейских прелатов (см.: РПР, с. 190-191, В 270-271).

¹⁰⁶ См.: РПР, с. 164-165, В 229-230.

¹⁰⁷ См.: Толстой, Л. Н. Одумайтесь! Т. 36. М., 1936, с. 108, 122, 124, 125, 132. Кроме того, Толстой указывает на мысль немецкого философа о том, что существует одна истинная религия, но много вер, а также о том, что все делаемое человеком в угоду Богу, кроме доброй жизни, есть религиозное заблуждение и суеверие. Некоторые из этих рассуждений вошли и в подготовленный Толстым сборник избранных мыслей Канта.

¹⁰⁸ Толстой, Л. Н. Дневник (8 августа 1907 г.). Т. 56. М., 1937, с. 51.

¹⁰⁹ Речь идет об издании: Kant-Aussprüche. Zsgest. von R. Richter. Leipzig, 1901. См.: Толстой, Л. Н. Письмо к Л. П. Никифорову от 17 марта 1904 г. Т. 75. М., 1956, с. 60.

этой книги Толстой «читал Канта, восхищался»¹¹⁰. Заново соприкоснувшись с идеями немецкого философа, писатель отметил то, что из кантовских мыслей ему представлялось наиболее ценным: «Читал Канта. Его Бог и бессмертие, то есть будущая жизнь, удивительны по своей недоказанности. Впрочем, он сам говорит, что не снимет с одной чаши весов своего желания доказать бессмертие. Основная же мысль о вневременной воле, вещи самой по себе, совершенно верна и известна всем религиям (браминской), только проще, яснее выраженная. Остается одна, но зато громадная заслуга: *условность времени*. Это велико. Чувствуешь, как бы ты был далеко назади, если бы, благодаря Канту, не понимал этого»¹¹¹.

«Избранные мысли Канта» вышли в свет в январе 1906 года¹¹². Сборник мыслей Канта был расчленен на несколько подразделов. Уже сама эта рубрикация представляет определенный интерес. В первом отделении, касающемся докритического периода, выделены следующие разделы: общее мировоззрение, мораль и воспитание, религия и познание человека. Отдел же, затрагивающий критический период творчества Канта, распадается на общие критические положения, мораль, воспитание, искусство и гения, авторство и стиль, религию, историю и познание человека. Это подразделение, равно как и содержание раздела об искусстве, позволяют утверждать, что Толстой не был знаком с третьей «Критикой» Канта – «Критикой способности суждения». Однако из иных произведений писателю удалось собрать, пожалуй, самые интересные мысли философа. Сюда попали как весьма знаменитые фразы, так и малоизвестные. Их характерной особенностью оказывается относительная доступность для понимания, ибо высказывания со специальной терминологией Толстой в сборник не включил.

Вряд ли можно считать выборку Толстого репрезентативной. И, тем не менее, нельзя не отметить, что многие глубокие мысли Канта, особенно экзистенциального характера, Толстой не пропустил. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что в сборник вошли некоторые фразы из «Критики чистого разума», на которые писатель, если судить по его заметкам в книге, при первом чтении данного трактата особого внимания не обратил. Похоже, в выборе мыслей вновь сказался пронизательный дар русского писателя выхватывать из нагруженных терминологией и тяжелых для понимания предложений ключевые идеи: «У Канта ужасно сложный, трудный способ выражения. Я замечаю у Канта и у себя (хотя не думаю себя равнять с ним), что когда излагаешь свои мысли в последовательной связи, то ужасно много балласта; а когда излагаешь их отдельно, отрывочно, то этого нет. Так и у Канта: отдельные его мысли очень хороши»¹¹³. В сборнике присутствуют фразы Канта об уважении людей под влиянием Руссо; о невозможности несмотря на объяснение происхождения мироздания объяснить происхождение гусеницы; о метафизике как природной склонности; о конститутивных и регулятивных принципах. Вошли в него и

¹¹⁰ Толстой, Л. Н. Дневник (19 февраля 1904 г.). Т. 55, с. 13. В этот же период времени Толстой получил в дар шесть томов собрания сочинений Канта, изданных Прусской академией наук. См.: Толстой, Л. Н. Письмо к Вильямсу и Норгэту от 21 октября? 3 ноября 1904 г. Т. 75, с. 173. Остальные тома этого издания, имеющиеся в библиотеке Толстого, вероятно, были куплены позднее самим писателем. Никаких пометок в них нет, и с уверенностью сказать, что писатель читал их, нельзя.

¹¹¹ Толстой, Л. Н. Дневник (22 сентября 1904 г.). Т. 55, с. 91.

¹¹² Мысли Иммануила Канта, выбранные Л. Н. Толстым. Перевод с немецкого С. А. Порецкого. М., 1906.

¹¹³ Литературное наследство. Т. 37-38, с. 530.

знаменитые высказывания об ограничении знания для освобождения места вере; а также образ доения козла и подставления под него решета при ответе на вопрос, что такое истина; и о труде как лучшем способе наслаждаться жизнью. Но две темы в творчестве Канта Толстой выделил особо – это учение о морали и о религии. В соответствующие разделы попали мысли Канта о совершении добрых поступков ради них самих; о действии согласно и ради нравственного закона; о достоинстве счастья как вопросе морали. Разумеется, привел Толстой и формулировку категорического императива, а также знаменитый пассаж Канта о долге, равно как и о небе и моральном законе. В разделе же о религии Толстой особо обратил внимание на кантовские замечания о необходимости убедиться в существовании Бога, а не доказывать его существование; о существовании только одной истинной религии, но множества разных вер; а также о религии как познании наших обязанностей в качестве Божьих заповедей. Следует подчеркнуть, что одними избранными мыслями дело не ограничилось. В последние годы жизни Толстой составлял сборники с изречениями для каждодневного чтения. Среди этих изречений имеется множество (140) разнообразных кантовских высказываний¹¹⁴. Все последние годы своей жизни Толстой всячески пытался донести мысли кенигсбергского мудреца до широкого круга читателей.

Но не только учение философа из Кенигсберга интересовало Толстого. Русский писатель был неравнодушен и к личности Канта и его жизни. Так, в 1904 году он писал: «Из биографий на меня всегда производила сильное впечатление не биография, а жизнь Канта»¹¹⁵. Еще в конце 80-х годов XIX века Толстой просил прислать ему биографию Канта. Однако получил такую возможность писатель, вероятно, десятилетием позднее. В 1901 году Толстой сообщил: «Читаю я прекрасную монографию Куно Фишера о Канте. Он там пишет, что Кант особенно дорожил сво[им] последним сочинением, а вышло оно плохо. Боюсь того же»¹¹⁶. В этом же письме он добавил: «Утешило меня то, что Кант под старость отвечал на письма через год. Я, кажется, также скоро буду делать, но только не вам»¹¹⁷. Все говорит о том, что Толстой относился с большим пиететом к немецкому философу, что было свойственно далеко не всем русским писателям. Так, старший современник Толстого – Н. В. Гоголь – особого уважения к личности Канта не испытывал¹¹⁸.

¹¹⁴ См.: Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904-1908, Т. 1. Т. 41. М., 1957, с. 15, 29, 40 и др.; Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904-1908, Т. 2. Т. 42. М., 1957, с. 24, 34, 58 и др.; На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях. Ч. 1. Т. 43. М., 1929, с. 9, 58, 59 и др.; На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях. Ч. 2. Т. 44. М., 1932, с. 3, 24, 38 и др.; Путь жизни. Т. 45. М., 1956, с. 20, 22, 26 и др.

¹¹⁵ Толстой, Л. Н. Письмо к Л. П. Никифорову от 17 марта 1904 г. Т. 75, с. 60.

¹¹⁶ Толстой, Л. Н. Письмо к [В. Г. Черткову] от 6 ноября 1901 г. Т. 88. М., 1957, с. 247. В примечании (там же, с. 249) в качестве последнего кантовского произведения ошибочно назвали «Религию в пределах одного только разума». Речь идет, однако, о кантовском «*Opus postumum*».

¹¹⁷ Толстой, Л. Н. Письмо к [В. Г. Черткову] от 6 ноября 1901 г., с. 249.

¹¹⁸ Ср. Гоголь: «Перебери всех философов и первейших всесветных гениев: лучшая пора их была только во время их полного мужества; потом они уже понемногу выживали из своего ума, а в старости впадали даже в младенчество. Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти». Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. В: Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6. Статьи. М., 1967, с. 254.

Какую же работу К. Фишера Толстой читал в 1901 году? Ответить на этот вопрос однозначно весьма затруднительно. Толстовские заметки на приложении к русскому переводу «Пролегоменов» Канта – статье Фишера «Критика Кантовской философии»¹¹⁹ – недвусмысленно доказывают, что писатель ее прочитал. Однако не исключено, что в начале XX века Толстой читал уже иное издание Фишера – 4-й том «Истории новой философии» о Канте, вышедший как раз в 1901 году. Пометки Толстого на приложении к «Пролегоменам» позволяют судить о том, что наибольшее внимание писателя привлекли мысли немецкого автора о нравственных и религиозных вопросах кантовской философии и таких ее проблемах, как пространство, время, вечность, бессмертие и свобода. Весьма показательным и то обстоятельством, что предисловие и сам перевод «Пролегоменов» Толстой даже не разрезал, а сразу же стал читать статью Фишера. Объяснить этот факт можно, пожалуй, следующим образом: Толстой уже прочитал к этому времени «Критику чистого разума» и считал ее введением в «Критику практического разума», которую он ценил в творчестве Канта больше всего. Возможно, поэтому никакого интереса к разъясняющим положениям «Критики чистого разума» «Пролегоменам» Толстой на рубеже веков уже и не испытывал. Возможно, правда, еще одно объяснение. В феврале 1910 года, уже незадолго до смерти, Толстой в одном разговоре заметил: «Канта уж как ценю, но он тяжел»¹²⁰. Одну из причин столь тяжкого стиля немецкого философа писатель усматривал в его курении: «Очень вероятно, как говорил мне один мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны таким странным и дурным языком, если бы он не курил так много»¹²¹.

В последние два года своей жизни Толстой неоднократно мысленно обращался к Канту. Любопытное свидетельство об одной беседе с Толстым в 1910 году оставил В. Г. Короленко: «Пример Толстовской диалектики. Речь идет о знании. Я говорю: познание мира изменяет понятие о Боге. Бог – зажигающий фонарики для земли, – одно. Бог – создавший в каждом этом огоньке целый мир и установивший законы этого мироздания, – уже другой. Кто изменил это представление – Галилеи, смотревшие в телескопы с целью познания, чистого и бескорыстного, то есть научного. На это Толстой, сначала как будто немного приостановившийся, – потом говорит: Как это мы все забываем старика Канта. Ведь этих миров в сущности нет. Что же изменилось? – «Наше представление и изменилось, Лев Николаевич»... На вопрос, – думает ли он, что нет ничего, соответствующего нашим представлениям, – Толстой не ответил»¹²². Как следует из данного разговора, в последний период Толстой все чаще задумывался не только над этическими и религиозными аспектами философии Канта, но и над общими проблемами познания и мироздания в интерпретации критической философии. Это подтверждает и дневниковая запись 1909 года: «Читал Канта, думаю все о движении и веществе, пространстве и времени»¹²³.

¹¹⁹ Фишер, К. Критика Кантовской философии. В: *Кант, И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. Пер. В. С. Соловьева. М., 1889.

¹²⁰ Цит. по: Гусев, Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, с. 745.

¹²¹ Толстой, Л. Н. Для чего люди одурманиваются? (1890). Т. 27. М., 1933, с. 277 прим. Ср. также с. 547: «Если бы Кант и Спиноза не курили, то вероятно Критика чистого разума не была бы написана таким ненужно непонятным языком и Этика Спинозы не была бы облечена в несвойственную ей форму математического сочинения, и т.п.».

¹²² Короленко, В. Г. Письмо к Т. А. Богдановичу от 6 августа 1910 г. В: *Короленко, В. Г.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. Письма 1879-1921. М., 1956, с. 458.

¹²³ Толстой, Л. Н. Дневник (11 августа 1909). Т. 57, с. 113.

Однако в любом случае центр пересечений раздумий Канта и Толстого находился все же в сфере этики и религии; здесь же можно обнаружить и точки соприкосновения, параллельные мыслительные ходы. Сильно объединял двух великих мыслителей и еще один вопрос, который для обоих являлся главным в философии – вопрос о человеке. И Толстой, и Кант отвечали на этот вопрос сходным образом. Оба мыслителя призывали к осторожности в человеческих оценках; а потому не случайно, что Толстой включил в сборник избранных мыслей Канта следующее замечание последнего: «истинная моральность поступков (заслуга и вина) остается для нас совершенно скрытой, даже в нашем собственном поведении. Свою вменяемость мы можем относить только к эмпирическому характеру. Но что в поступках есть чистый результат свободы и что результат одной лишь природы, а также имеющихся не по нашей вине недостатков темперамента или его удачных свойств (*merito fortunae*) – никто не может раскрыть и потому не может судить об этом со всей справедливостью»¹²⁴. Наконец, оба не испытывали особых иллюзий по поводу человека. Первая кантовская мысль, которую Толстой отчеркнул в «Критике чистого разума», была о порочности, притворстве и лицемерии человеческой природы. Именно эти свойства русский писатель непрерывно выявлял и обличал в своих романах. А потому ему оказалась внутренне близка и еще одна фраза Канта о человеке, которую писатель также включил в свой сборник избранных мыслей кенигсбергского философа: «из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого»¹²⁵. И в этом вопросе оба мыслителя были едины.

В русской литературе начиная с Карамзина трудно найти крупного писателя, который прошел бы мимо фигуры Канта. Но и на этом фоне интерес Толстого к Канту и его проникновение в тексты кенигсбергского философа являются поразительными. Знакомство с Кантом, начавшееся в русской культуре еще в конце XVIII века и продолжившееся в первой четверти XIX века, явилось непродолжительным и довольно поверхностным. Не успев как следует вникнуть в творчество Канта, русские мыслители перекинулись на Шеллинга. Время же детального знакомства Толстого с Кантом – это время повального увлечения в России Гегелем. И в этих совсем не способствующих чтению Канта условиях Толстой привычно пошел против течения и очень тонко воспринял целый ряд идей кенигсбергского мыслителя. Некоторые замечания Толстого о Канте поражают и сегодня, в начале XXI века. Конечно, этому способствовало то обстоятельство, что Толстой приступил к чтению Канта в зрелом возрасте. Однако еще больше этому способствовало внутренне родство двух мыслителей в некоторых важнейших жизненных вопросах.

¹²⁴ КЧР, с. 337 прим., В 579 Апт./А 551 Апт.; Мысли Иммануила Канта, выбранные Л. Н. Толстым, с. 48. Н. Хинске справедливо указывает на параллели этого высказывания с Евангелием от Матфея (7:1, «не судите, да не судимы будете»). См.: Хинске, Н. Кантовское разрешение антиномии свободы или неприкосновенное ядро совести. В: Вопросы философии, 2004 (в печати).

¹²⁵ Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Т. 8, с. 19, *Kant, I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*, А 397 (ср. также: РПР, с. 105, В 141); Мысли Иммануила Канта, выбранные Л. Н. Толстым, с. 72.